

УДК 82

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.019

Зачем продает дом гробовщик? Фольклорная составляющая повести А.С. Пушкина «Гробовщик»

Дударева Марианна Андреевна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯ и ОД
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
докторант,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
155908, Российская Федерация, Шуя, Кооперативная ул., 24,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка анализа известной пушкинской повести «Гробовщик» в контексте фольклорной традиции. Большое внимание уделяется семантике колоратива «желтый», который имеет амбивалентное значение и связан с мифологемой светотьмы и апофатической традицией. Гробовщик покупает желтый домик и покидает свою ветхую лачужку, знакомое и родное пространство; с этой покупки начинается инициационный путь героя. Все метаморфозы в жизни Адрияна Прохорова — странный сон, напоминающий видение, обмирание, — происходят в новом чужом пространстве желтого домика. К понятию «фольклор» подходим не узко, учитываем дожанровые образования, обряд, ритуал.

Методологической базой работы выступают структурно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, которые позволяют комплексно подойти к анализу художественного текста.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А. Зачем продает дом гробовщик? Фольклорная составляющая повести А.С. Пушкина «Гробовщик» // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 163-168. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.019

Ключевые слова

Русская традиционная культура, «иное царство», сон, апофатическая традиция, русская литература, Пушкин, ритуал.

Введение

Повесть «Гробовщик» представляется одной из самых загадочных и в то же время одной из самых исследованных в ряду «Повестей Белкина». Произведение помещалось в широкий литературный контекст [Акимов, 2009; Низовцева, 2011], к чему располагал сам текст с эпиграфом из Державина, отсылками к Шекспиру, Скотту, высвечивался также философский, метафизический подтекст повести [Смирнов, 2006], к чему располагает собственно всегда табуированная тема смерти. Над разгадыванием загадок болдинской вещи работали и лингвисты, проникая, например, в парадоксы употребления лексем «дом» и «домик» [Берсенева, Янушкевич, 2015]. Литературоведы также исследовали топографию «Гробовщика», отдавая дань пушкинской биографии, которой обусловлены, например, выбор имени героя (Адриан — реальный человек, гробовщик с Никитской), выбор улиц, где происходит основное действие. Однако зачастую через реальный быт объясняются и мортальные элементы в повести [Кардаш, 2017], тема Танатоса, которая проявляется на нескольких уровнях. С одной стороны, табличка с нелепой на первый взгляд вывеской о прокате и починке гробов, похоронная атрибутика, мантии, шляпы, гробы в кухне. С другой стороны, метафизическое переживание визита умерших самим гробовщиком. Правы во многом исследователи, сделавшие акцент на похоронном быте пушкинского времени и прокомментировавшие фигуру Амура с опрокинутым факелом и фразу на табличке о починке гробов с этих исторических позиций. Но, на наш взгляд, *танатологический подтекст* проявился глубже.

Ритуальные маркеры в повести: желтый дом и задравный тост

Настораживает с самого начала уже одно желание Адриана сменить дом. И здесь примечательно то, что он меняет дом, ветхую лачужку, на *желтый домик*, который давно терзал воображение героя: «Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось» [Пушкин, 1970, 106]. Апофатизм ситуации кроется в первую очередь в том, что владелец дома не рад покупке, хотя она и была долгожданной. Правы авторы статьи «Философский подтекст концепта домика в повести А. С. Пушкина “Гробовщик”», разграничивающие в семантическом плане лексемы «дом» и «домик» и указывающие на их принципиальную разницу в метафизическом плане в жизни Адриана. Гробовщик продает дом, к которому, вероятно, уже привык и о котором с тоской вспоминает: «Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком» [Пушкин, 1970, 106]. Он пытается обжиться в новом *желтом* домике, который для него хоть и желанный, но чужой. Возникает парадокс пространства: старый ветхий дом продается, покидается, но остается своим, родным, а новый, приобретенный, как бы отчуждается. Это противоречие можно попытаться понять, обратившись к семантике колоратива «желтый».

Во-первых, по фольклорным представлениям, колоратив «желтый» обладает двойственным значением. Желтый сопряжен и с золотым, высшим царством, сакральным знанием, и с черным, темным началом, и лингвисты, занимающиеся вопросами фольклорной лексикографии, это убедительно доказывают [Бобунова, Хроленко, 1995]. Эпитетосочетание «*песочки желтые*» указывает на траурную символику. Во-вторых, интересно само сочетание, парадигма желтый — черный, которая наводит на мысль о мифологеме *светотьмы*, то есть зарождения света во тьме,

невечернем и вечернем свете (понятие заимствуем из статьи Брагинской и Шмаиной-Великановой [Брагинская, Шмаина-Великанова, 2013]). Такая пограничная символика существенна, и тогда желтый цвет обладает особой семантической напряженностью в ритуальном плане. Для пушкинского гробовщика этот цвет выступает неким маркером, предупреждением, что с героем может произойти беда. Настораживает не только желтый дом, но и желтые элементы одежды, желтые лица. Рассказчик обращает особое внимание на желтый цвет: «Не стану описывать ни русского кафтана Адрияна Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить, что обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи» [Пушкин, 1970, 108].

Однако гробовщик не обладает сакральными знаниями и даже не стремится к этому метафизическому познанию мира, хотя он и имеет каждый день дело с «тем светом». Здесь точен С. Г. Бочаров, указывающий на корыстность героя, желание нажиться, заработать на чужом горе [Бочаров, 1974, 214]. Переломным моментом в его жизни становится сон, который протекает на грани реальной и ирреальной действительности: «Сон героя разворачивается необъявленный, как прямое продолжение его яви» [Бочаров, 1974, 228]. Однако всего этого могло бы и не случиться, гробовщик бы мог избежать этих психофизических потрясений, связанных с явлением мертвецов в его дом, если бы не следующие обстоятельства: сосед Готлиб Шульц приглашает Адрияна в гости, на празднование серебряной свадьбы. Все вроде бы идет хорошо на празднике, ладится беседа, Адриян усердно ест и пьет, веселится: «Адриян пил с усердием и до того развеселился, что сам предложил какой-то шуточный тост» [Пушкин, 1970, 110]. Но картина меняется, когда один из гостей, толстый булочник, предлагает выпить за здоровье тех, на кого работают присутствующие ремесленники. Адрияну, соответственно, предлагают выпить за своих клиентов: «Что же? пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов» [Пушкин, 1970, 111]. И после этого замечания происходит перелом в картине мира героя, в его внутреннем мире: «Все захохотали, но гробовщик почел себя обиженным и нахмурился» [Пушкин, 1970, 111].

В традиционной народной культуре, в детском фольклоре, в святочной и свадебной обрядности встречаемся с таким явлением, как смех за мертвеца. Оно получило свое выражение в игре в покойничка. Самое интересное то, что на второй или третий день свадьбы разыгрывался такой сюжет с покойником, которого бы следовало «оживить», например, развеселив [Матлин, 2014]. Этот *ритуальный хаос* вносил свой порядок — таким образом как бы отгонялась смерть. По замечанию филолога и культуролога Н. Осиповой, смерть в русском национальном образе мира отторгается смехом, эти явления сосуществуют друг с другом [Осипова, 2018]. Интересно то, что герой присутствует не просто на празднике, он зван на серебряную *свадьбу* Готлиба и Луизы. Кроме того, крайне странно, с рациональной, бытовой точки зрения, присутствие и положение гробовщика, человека особой профессии с пограничной семантикой, на свадьбе. Если бы Адриян Прохоров рассмеялся, а не обиделся и не отнесся серьезно к словам пьяного Юрко, то мертвецы бы к нему не пришли. Смехом бы он отторг, отогнал смерть. Однако герой в этот момент выпадает из линейного времени, отделяется от всех обычных пьяных гостей, ремесленников, обслуживающих живых в повседневной жизни, и возвращается один домой, чтобы уснуть: «Гробовщик пришел домой пьян и сердит» [Пушкин, 1970, 111]. Так, через сон, о котором мы, по справедливому наблюдению С. Г. Бочарова, и не подозреваем (слово «сон» Пушкин даже не употребляет), проникаем в сознание героя. Во сне гробовщику видится долгожданная смерть Трюхиной, *желтой* как воск; приходят в гости к нему в дом покойники,

с *желтыми* и синими лицами, которых он хоронил. Все это является внутренним событием собственно героя, которое прерывается солнечным светом, пробуждением в комнате, где его работница уже раздувала самовар. Именно она развеивает самые страшные сомнения относительно подлинности / неподлинности привидевшегося Адрияну, и обрадованный герой приказывает подавать чай.

Продажа дома — начало инициационного пути героя

С. Г. Бочаров, последовательно анализируя композицию повести и отводя значительное место сну в архитектонике произведения, приходит к поразительному выводу об амбивалентности ситуации: «...фантастические события сна снимаются и не снимаются в то же самое время» [Бочаров, 1974, 229]. Это, в свою очередь, позволяет ученому вступить в полемику с Б. Эйхенбаумом относительно смыслов произведения и поставить вопрос об апофатичности общей ситуации в повести: «Повесть не разрешается в ничто: что-то неявно произошло в жизни ее героя. Но эта неявность случившегося, неявность происходящего для героя повести и как бы для самой повести вместе с ним — составляет главное в “Гробовщике” и самую соль его (как бы неявного тоже) смысла» [Бочаров, 1974, 230]. Здесь, во многом соглашаясь с мнением ученого относительно апофатизма сюжета, позволим некоторые уточнения и разъяснения относительно замысла покупки дома гробовщиком, с которой начинается повесть.

Является ли именно сон, сонное состояние, во время которого приходят мертвецы, переломным в жизни героя? Так ли все очевидно и просто? Не случись переезд в новый желтый дом, цвет которого даже видными учеными воспринимается как оптимистически настраивающий, нарочито веселый [Бочаров, 1974, 216], не попади главный герой на свадьбу к соседу по новому дому, не произошло бы коренных изменений и в жизни Адрияна Прохорова. Во-первых, сам переезд, смена одного, родного, близкого топоса на чужое пространство уже в ритуальном пространстве повести можно приравнять к началу *инициационного* пути героя. Во-вторых, на *пороговость* ситуации указывает и то, что все вещи переезжающего помещаются на похоронные дроги: «Последние пожитки гробовщика Адрияна Прохорова были взвалены на похоронные дроги...» [Пушкин, 1970, 106]. Неважно, как относится гробовщик к умершим, «тому свету», носят ли аксиологический и онтологический характер для него эти явления, важно то, что сами похоронные дроги обладают семантической напряженностью и выполняют медирующие функции: Адрияну Прохорову предстоит не столько переезд, сколько преодоление и освоение *чужого* пространства в виде желтого домика. В-третьих, апофатизм ситуации раскрывается гораздо раньше, и заключен он не только в страшном сне, но и в семантике колоратива «желтый», в его мифологическом подтексте, связанном с борьбой и *сосуществованием* света и тьмы. Конечно, этот цвет можно списать на моду в архитектуре того времени (желтый был распространен), но Пушкин, хорошо знавший и книжный, и устный фольклор [Путилов, 1977], думается, неслучайно выбрал «желтый».

Заключение

Желтый цвет оказывается доминантным для повести и связан, с одной стороны, с новым домом, новыми шляпками у дочерей гробовщика, с другой — со смертью (желтые лица умерших). В этом и состоит двойственность или *неявность*, по выражению С. Г. Бочарова, ситуации: герой должен решить для себя, как он будет жить дальше, как будет относиться к своему делу и своим клиентам, иначе говоря, к «тому свету» и в высшем плане — к Абсолюту

смерти. Свой дом он продает, потенциально стремясь к изменениям в своей мещанской жизни, где всегда все было строго и просчитано заранее. Эта продажа неявно подталкивает его к поворотным моментам в судьбе, которые, думается, ее точно изменят (гробовщик, вероятно, за долгие годы встречал новый день радостно, требуя к чаю своих дочерей).

Библиография

1. Акимов Э. Б. «Гробовщик» Пушкина и «Гамлет» Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 107–113.
2. Берсенева В. А., Янушкевич А. С. Философский подтекст концепта домика в повести А. С. Пушкина «Гробовщик» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 87–100.
3. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Пробная статья «Желтый» // Фольклорная лексикография: сб. науч. тр. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1995. Вып. 4. С. 3–12.
4. Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1974. С. 196–230.
5. Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет не вечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92.
6. Кардаш Е. В. «Амур с опрокинутым факелом»: заметки о повести Пушкина «Гробовщик» // Slavica Revalensia. 2017. Vol. IV. С. 9–39.
7. Матлин М. Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 1. С. 54–60.
8. Низовцева М. Б. Повесть А. С. Пушкина «Гробовщик» и ода Г. Р. Державина «Водопад»: диалог на предметном уровне // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2. № 4. С. 70–72.
9. Осипова Н. Смех и смерть в русской культурной традиции: истоки и трансформация мотива // Slavica Wratislaviensia. Tanatos 1. 2018. № 167. С. 23–34.
10. Путилов Б. Н. «Сборник Кириши Данилова» и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 361–404.
11. Пушкин А. С. Гробовщик: собр. соч. в 8 т. М.: Худ. лит., 1970. Т. 7. С. 106–115.
12. Смирнов В. А. Семантика «ворот Януса» в повести А. С. Пушкина «Гробовщик» // Вестник Ивановского государственного университета. 2006. Вып. 1. С. 37–42.

Why is an undertaker selling a house? The folklore component of the story “The Undertaker” by A.S. Pushkin

Marianna A. Dudareva

PhD in philology,
senior lecturer of the Department of Russian language No. 2,
Peoples' friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklay st., Moscow, Russian Federation;
doctoral student,
Shuisky branch of Ivanovo state University,
155908, 24, Cooperative st., Shuya, Russian Federation,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Abstract

The article attempts to analyze the well-known Pushkin novel “The Undertaker” in the context of folk tradition. Much attention is paid to the semantics of the color “yellow”, which has an ambivalent meaning and is associated with the mythology of luminosity and apophatic tradition.

Undertaker buys a yellow house and leaves his dilapidated shack, familiar and native space; With this purchase, the hero's initiation path begins. All metamorphoses in the life of Adriyan Prokhorov — a strange dream, reminiscent of vision, fading — occur in a new alien space of the yellow house. We do not approach the concept of “folklore” narrowly; we take into account pre-genre formations, rituals, and rituals. The methodology of this work is connected with a holistic analysis of a literary text using structural, typological and comparative methods of research.

For citation

Dudareva M.A. (2019) Zachem prodaet dom grobovshchik? Fol'klornaya sostavlyayushchaya povesti A. S. Pushkina «Grobovshchik» [Why is an undertaker selling a house? The folklore component of the story “The Undertaker” by A.S. Pushkin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (6A), pp. 163-168. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.019

Keywords

Russian traditional culture, “another kingdom”, dream, apophatic tradition, Russian literature, Pushkin, ritual.

References

1. Akimov Je. B. (2009) «Grobovshchik» Pushkina i «Gamlet» Shekspira // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 107–113.
2. Berseneva V. A., Janushkevich A. S. (2015) Filosofskij podtekst koncepta domika v povesti A. S. Pushkina «Grobovshchik». Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. № 4 (36). S. 87–100.
3. Bobunova M. A., Hrolenko A. T. (1995) Probnaja stat'ja «Zheltyj». Fol'klornaja leksikografija: sb. nauch. tr. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta, 1995. Vyp. 4. S. 3–12.
4. Bocharov S. G. O smysle «Grobovshchika» (1974) K probleme interpretacii proizvedenija. Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovanija. Moscow: Nauka, 1974. S. 196–230.
5. Braginskaja N. V., Shmaina-Velikanova A. I. (2013) Svet vechernij i svet nevechernij. Dva venka: Posvjashhenie Ol'ge Sedakovej. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke. S. 73–92.
6. Kardash E. V. (2017) «Amur s oprokinutym fakelom»: zametki o povesti Pushkina «Grobovshchik». Slavica Revalensia. Vol. IV. S. 9–39.
7. Matlin M. G. (2014) Svadebnaja igra v «pokojnika» v prazdnichno-obrjadovom prostranstve russkogo sela. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1. S. 54–60.
8. Nizovceva M. B. (2011) Povest' A. S. Pushkina «Grobovshchik» i oda G. R. Derzhavina «Vodopad»: dialog na predmetnom urovne. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. № 4. S. 70–72.
9. Osipova N. (2018) Smeh i smert' v russkoj kul'turnoj tradicii: istoki i transformacija motiva. Slavica Wratislaviensia. Tanatos 1. № 167. S. 23–34.
10. Putilov B. N. (1977) «Sbornik Kirshi Danilova» i ego mesto v russkoj fol'kloristike. Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym. Moscow: Nauka. S. 361–404.
11. Pushkin A. S. (1970) Grobovshchik: sobr. soch. v 8 t. M.: Hud. lit. T. 7. S. 106–115.
12. Smirnov V. A. (2006) Semantika «vorot Janusa» v povesti A. S. Pushkina «Grobovshchik». Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1. S. 37–42.